

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ДРЕВНЕГО МИРА К СРЕДНИМ ВЕКАМ

М. Алпатов

Указания И. В. Сталина о революции рабов знаменуют собой новый этап в развитии марксистско-ленинской науки об обществе: впервые в истории науки вопрос о революционном переходе от античной рабовладельческой формации к феодализму в Западной Европе нашёл исчерпывающее разрешение; смена античной формации феодализмом показана как результат движения широких народных масс, как результат борьбы первого революционного класса в истории.

Два высказывания И. В. Сталина всесторонне охватывают этот вопрос. Первое из них — в речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами»¹. Второе высказывание мы находим в отчётном докладе XVII съезду партии: «... не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим»².

В этих замечаниях И. В. Сталин указывает на тесное сочетание революции рабов с варварским завоеванием в процессе перехода от рабовладельческой формации к феодальной. Главным, решающим моментом, и притом существенно новым в марксистской науке, несомненно, является указание на то, что по своему социально-политическому содержанию этот двусторонний процесс есть не что иное, как революция рабов.

Остановимся на некоторых теоретических вопросах, помогающих определить методологическое значение этих указаний И. В. Сталина.

При рассмотрении проблемы революции рабов следует различать два существенных положения из высказываний И. В. Сталина по этому поводу: во-первых, способен ли класс рабов свергнуть рабовладельческое государство, ликвидировать рабовладельцев и рабовладельческую форму эксплуатации и, во-вторых, способен ли он вместо свергнутого рабовладельческого государства поставить новое, более прогрессивное государство, вместо старой формации создать новую, более прогрессивную формацию?

Как отвечали на эти вопросы К. Маркс и Ф. Энгельс? У основоположников марксизма имеется ряд высказываний о борьбе античных рабов, о переходе от древнего мира к средним векам. В наиболее развёрнутом виде их взгляды по данному вопросу изложены в одном из поздних произведений Ф. Энгельса, в его общеизвестном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Основной причиной гибели рабовладельческой формации и рождения феодализма Ф. Энгельс, как известно, считал кризис рабовладельческого способа производства. С прекращением завоевательных войн и сокращением притока рабов начался общий экономический кризис, ибо постоянный и

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 412. 11-е изд.

² Там же, стр. 432.

массовый приток рабочей силы составлял необходимое условие существования рабовладельческого хозяйства. «Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд»³. Латифундии римских магнатов, основанные на рабском труде, стали приходить в упадок, а это значило, что начинала изживать себя единственно возможная в тех условиях форма крупного хозяйства, «мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия»⁴, причём оно уже не покоилось на рабском труде, ставшем нерентабельным. «Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам... Преобладала же сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определённую сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой... Они были предшественниками средневековых крепостных»⁵.

Однако этот переход к колонату, как известно, не дал выхода из экономического кризиса в рамках самой рабовладельческой формации. Если торговля носила ограниченный характер даже в эпоху расцвета рабовладельческого хозяйства, то теперь хозяйственные связи между поместьями, между городами и отдельными провинциями обрываются всё больше и больше. В обстановке этого глубокого кризиса непомерно возросла эксплуатация производящих классов, а само римское государство «превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и разного рода оброки погружали массу населения во всё более глубокую нищету; этот гнёт усиливали и делали невыносимым вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Вот к чему привело римское государство с его мировым господством: своё право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»⁶.

О положении в провинциях можно судить на примере Галлии. «Уже начиная с последних времён республики римское владычество основывалось на беспощадной эксплуатации завоёванных провинций; империя не только не устранила этой эксплуатации, а, напротив, превратила её в систему... Всеобщее обеднение, сокращение торговых сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового господства»⁷. Ф. Энгельс приводит высказывание епископа Сальвиана Марсельского, где указывается, что гнёт землевладельцев и римских чиновников в Галлии был столь велик, что многие галло-римляне «бегут в местности, уже занятые варварами, а поселившиеся там римские граждане ничего так не боятся, как очутиться снова под римским владычеством»⁸. Для народных масс империи Рим был «злейшим врагом и угнетателем», и их «римское гражданство ничего не предлагало взамен»⁹.

Оценку этого кризиса Ф. Энгельс даёт в следующих словах: «То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально прези-
рался. Первое уже не могло, второй ещё не мог сделаться основной

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я. стр. 126.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 125.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 127.

⁹ Там же, стр. 125, 124.

формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только коренная революция»¹⁰.

Всё это приводит нас к несомненному выводу, что для основоположников марксизма переход от античности к средневековью был революцией, революционным переходом от одной социально-экономической формации к другой. Варварское завоевание было подготовлено глубоким кризисом рабовладельческого способа производства, оно проходило в обстановке этого кризиса и явилось фактором, ускорившим крушение античной формации и формирование феодализма. Разоблачая Е. Дюринга, видевшего в завоевании самодовлеющее, исключительно внешнее явление, Ф. Энгельс подчёркивал именно социальное содержание варварского завоевания, его революционную роль в создании феодальных отношений вместо отношений рабовладельческих. «Насильственное завоевание, произведённое германцами, основание на завоёванных землях государств, в которых господствовала деревня, а не город (как в древнем мире), сопровождалось — именно поэтому — превращением рабства в менее отяготительное крепостное право и в другие формы зависимости крестьян»¹².

Эту же мысль о внутреннем, революционном, содержании варварского завоевания Римской империи Ф. Энгельс подчёркивает и в «Диалектике природы»: «Там, где рабство является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестным свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нём общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его даётся в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорён народом, введшим вместо рабства новый способ производства»¹².

Следовательно, К. Маркс и Ф. Энгельс всесторонне разработали вопрос о роли и характере варварского завоевания в процессе перехода от древнего мира к средним векам. Они опровергли, с одной стороны, романистические теории буржуазных реакционеров, вроде Фюстель де Куланжа, конструировавших непрерывный исторический процесс, в котором средневековая Европа являлась прямым продолжением Римской империи, не оставлявших места для революции и утверждавших вечное и неизбывное господство крупной собственности, эксплуатацию и бесправное положение народных масс. С другой стороны, тезис основоположников марксизма о революционном переходе от античности к средним векам разрушал националистические теории немецких историков, вроде Вайца, Зома, Бруннера и др., которые в падении Римской империи видели победу германского «национального духа» над разложившимся римским миром. Борясь с немецкой шовинистической трактовкой падения Римской империи, Ф. Энгельс писал: «... в чём состояло то таинственное волшебное средство, при помощи которого германцы вдохнули новую жизненную силу умиравшей Европе? Была ли это особая, прирождённая германскому племени чудотворительная сила, как воображает наша шовинистическая историография? Отнюдь нет... омолодили Европу не их специфические национальные особенности, а про-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 127.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 370.

¹² Там же, стр. 450.

сто их варварство, их родовой строй»¹³. Именно в свете этих положений рассматривает наша советская наука вопрос о варварском завоевании Римской империи.

Однако из указаний И. В. Сталина следует, что существует ещё вторая, притом главная, сторона проблемы перехода от рабовладельческого общества к феодализму, а именно вопрос о роли самих угнетённых масс Римской империи, о роли основного эксплуатируемого класса античности — рабов, — в той революции, которая разделяет рабовладельческую и феодальную формации. Известно, что вопрос о роли народных масс как решающей силы в прогрессивном развитии истории является одним из основных положений марксизма.

Вопрос о роли пролетариата и крестьянства занимал одно из решающих мест как в научной теории К. Маркса и Ф. Энгельса, так и в их революционной практике (революция 1848 г. и Парижская Коммуна). Своё дальнейшее развитие применительно к эпохе империализма этот вопрос получил, как известно, в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина как существенная часть марксистско-ленинского учения о буржуазной и социалистической революции.

Что же касается роли рабов как революционного класса древности в крушении рабовладельческого способа производства, то эта проблема у основоположников марксизма оставалась неразработанной, и это объяснялось самым состоянием тогдашней науки об античности. Исторические факты о борьбе рабов были во времена К. Маркса и Ф. Энгельса слишком скудны и отрывочны. Подобное явление позволило буржуазной историографии, стремившейся к умалению роли народных масс в истории, создать известную легенду о неспособности рабов совершить революцию, свергнуть власть рабовладельцев. Легенда эта была чрезвычайно живуча, она прочно владела умами учёных и не только буржуазных. Для восстановления действительной картины классовой борьбы угнетённых в древнем мире, в особенности для решения вопроса о роли рабов в гибели античной формации, марксистская наука не располагала тогда необходимым фактическим материалом. Этот исторический материал мог быть добыт лишь путём нового, генерального пересмотра и критической переоценки с марксистских позиций всего документального наследства древности, в особенности периода поздней Римской империи и раннего средневековья. Такая задача ещё не была решена в годы К. Маркса и Ф. Энгельса. Основоположники марксизма, как известно, проделали огромную критическую работу по пересмотру известного тогда материала по древней истории, но взяли на себя особую задачу, для решения которой ещё не было накоплено исторических фактов, К. Маркс и Ф. Энгельс, естественно, не могли.

Разработка проблемы революции рабов стала возможна только в наше время. Советская историческая наука, располагающая кадрами марксистов-античников, проделала большую критическую работу по пересмотру античного наследства, в частности, документального материала, сохранившегося от поздней Римской империи и раннего средневековья. Исторические свидетельства, которые сообщают нам Геродиан, Евмений, Сальвиан, Мамертин, Либаний, Амвросий Медиоланский, Евнапий, Аммиан Марцеллин, Евтропий, Проспер, Зосим, и другие разнообразные источники нарративного, эпиграфического и юридического характера, нумизматика, всевозможные «прорицания», многочисленные в ту бурную эпоху, — весь широкий круг тех исторических документов, которые замалчивались и извращались буржуазной наукой и которые по-настоящему оценены только советскими учёными, позволили марксистско-ленинской историографии воссоздать хотя бы в общих очертаниях картину революционной борьбы угнетённых масс в период гибели Римской

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я. стр. 132.

империи. Перед нами впервые открылась кровавая классовая война, бушевавшая на всём пространстве «мировой» империи, достигавшая крайнего ожесточения и охватившая собою целую историческую полосу. По-новому выступил характер и размах движения багаудов (Галлия, Испания), донатистов и агонистиков (Сев. Африка), скамаров (Паннония, Иллирия) и всех многочисленных и мощных народных движений, охвативших Дакию, Мезию, Фракию, весь Балканский полуостров, Малую Азию, Сирию и все другие территории, на которые простиралась власть римских рабовладельцев. Не подлежит сомнению, что советским историкам ещё предстоит большая работа, прежде чем они смогут показать во всей исторической конкретности классовую борьбу, сокрушившую Римскую рабовладельческую империю; тем не менее имеющийся в нашем распоряжении материал источников уже позволяет сделать основной методологический вывод о характере перехода от рабовладельческой к феодальной формации.

Этот методологический вывод сформулирован в чеканном тезисе И. В. Сталина о революции рабов и является крупным вкладом в сокровищницу марксизма; он дополняет и развивает взгляд К. Маркса и Ф. Энгельса на переход от рабовладельческой формации к феодализму новым и чрезвычайно важным положением: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся». Это положение целиком опирается на трактовку, данную в трудах Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, роли угнетённых масс в истории и является её продолжением и развитием. Этот взгляд марксистско-ленинской науки, развивавшийся до сих пор в применении к буржуазной, а также социалистической революции, И. В. Сталин распространил и на революцию, имевшую место при переходе от рабовладельческой формации к феодализму. Правомочность этого положения засвидетельствована всем ходом истории, которая учит, что основной движущей силой всякой революции, кладущей конец старому эксплуататорскому способу производства и создающей новый способ производства, являются народные массы и прежде всего тот угнетённый класс гибнущей формации, производительный труд которого составлял жизненную основу этой формации и классовая борьба которого определяла в конечном счёте судьбу этого способа производства.

Таким классом, на труде которого покоился рабовладельческий строй и от борьбы которого зависела историческая судьба этого строя, являлся класс рабов. Таким классом при феодализме являлось крестьянство. Поэтому не случайно И. В. Сталин, определив переход от античности к феодализму как революцию рабов, следующим образом характеризует, далее, главную движущую силу последующей буржуазной революции: «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации»¹⁴. Таким классом при капитализме является, как известно, пролетариат. Следовательно, именно эти угнетённые классы отживших угнетательских формаций, а не какие иные общественные группы представляют собою основную, ударную силу революций при переходе от одной формации к другой, ибо они, эти классы, являются единственными классами, до конца заинтересованными в разрушении старых способов производства.

Всем ходом истории доказано, что революция рабов могла победить при определённых исторических условиях, а именно в тот исторический момент, когда производственные отношения отживающего рабовладельческого способа производства уже не могли быть формой дальнейшего прогресса общественного производства, когда в недрах старой формации сформировались новые классы — носители нарождающегося способа производства, — когда, наконец, в недрах этой старой формации сложились

¹⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма. стр. 412.

те социальные силы, которые способны были выступить в едином фронте с основным революционным классом, стать его союзником в борьбе за свержение господствующего класса старой формации.

Как отдельная, изолированная сила рабы не могли победить. Пока рабовладельческий строй Рима был прочен, рабы, выступавшие в одиночестве, могли лишь потрясать Римское государство. Особенно ярко это показало восстание Спартака. Всё, что мы читаем у Аппиана, Саллюстия, Плутарха и других античных авторов о сочувственных настроениях среди римского крестьянства и в римской армии и даже об участии крестьянства в спартаковском движении, говорит лишь об отдельных случаях колебаний среди свободного трудящегося населения и вовсе не свидетельствует о массовой и решительной поддержке восстания рабов римским крестьянством и солдатами. Этого не произошло, несмотря на то, что среди крестьянства к концу республики было немало бедноты, а в римскую армию после реформы Мария влилось много демократических элементов. Историческая трагедия восстания Спартака в том и состояла, что, несмотря на свой грандиозный размах, в целом оно осталось изолированным восстанием рабов; господствующему классу в конечном счёте удалось удержать власть над крестьянством и сохранить за собой армию. Рабы выступали тогда без сильных союзников, и это сделало их победу невозможной.

Иная обстановка сложилась к концу империи: это была обстановка общего кризиса рабовладельческой системы, определившая и главные особенности революционной борьбы угнетённых масс. Основная черта этого этапа революции в отличие от волны восстаний рабов в период республики состояла в том, что теперь выступили не только рабы, но и мощный блок антирабовладельческих сил. Союзниками рабов прежде всего выступили многочисленные массы колонов; колонат был тем социально-экономическим институтом, который сблизил положение рабов и крестьянства в процессе производства и тем самым создал прочную основу для их военно-политического союза. Наиболее мощные движения революционных масс последних веков империи — движение багаудов и движение агонистиков — были борьбой рабов и колонов, выступивших единым фронтом. В частности, Галлия, население которой, по всем данным, в своё время отнеслось враждебно к восстанию Спартака, теперь стала очагом движения багаудов. Это движение имеет особое значение, ибо оно протекало в провинции, служившей своего рода барьером между Римской империей и зарейнским варварским миром, постоянно угрожавшим вторжением.

На примере багаудов особенно отчётливо выступает и вторая черта революционной волны этого периода — слияние движения рабов и колонов с движением солдат. Римская армия, состоявшая теперь в значительной мере из тех же рабов и колонов, не могла уже служить надёжной опорой императорской власти, Галлия кишела дезертирами, которые являлись постоянным резервом для пополнения отрядов багаудов; солдаты часто были основным ядром повстанческих войск; руководители наиболее крупных восстаний багаудов — Матерн (конец II в.), Элиан и Аманд (III в.) — были солдатами римской армии. Благодаря участию армейских элементов багаудам удавалось создавать военные силы по римскому образцу; их войска зачастую не уступали в своём вооружении римским легионам. Нередки случаи, когда императорские войска переходили на сторону багаудов или отказывались сражаться; Диоклетиану, например, пришлось за отказ сражаться предать казни почти целиком известный фиванский легион, один из лучших легионов римской армии. В практику вошли чистки армии, сопровождавшиеся массовыми казнями солдат.

Слияние борьбы рабов, колонов и солдат придало движению багаудов чрезвычайно упорный характер, большую силу и размах. Если восстание Спартака было в известном смысле событием одноактным, то движение багаудов нанесло римскому господству в Галлии ряд последова-

тельных и мощных ударов, от которых оно уже не могло оправиться. Возникнув в конце II века и будучи подавленным, это движение с ещё большей силой возобновилось в III веке; пережив некоторый спад в первой половине IV века, оно вновь разгорелось в конце этого века и не прекращалось до самого падения римской власти в Галлии. Это была война против рабовладельческого строя, проводившаяся в широких масштабах; багауды на обширных территориях Галлии и отчасти Испании экспроприировали имения и земли рабовладельцев, их сил оказалось достаточно, чтобы осаждать и брать города (в том числе и такие крупные, как Августодун), они выпускали из тюрем заключённых, ликвидировали римскую власть на освобождённой территории. При этом важно подчеркнуть, что восставшие в своей борьбе чаще всего не делали различий между римскими магнатами и галльской аристократией, боровшейся за отделение от Рима. Конечная задача движения состояла в ликвидации общественного и политического строя рабовладельцев; не случайно возникла легенда о попытке вождя багаудов Матерна проникнуть в Рим с целью свергнуть императора Коммода и захватить власть; другие вожди багаудов, Элиан и Аманд, провозгласили себя императорами, организовали свою власть, выпускали свою монету. Нужно со всей решительностью отбросить версию о том, что всё это движение было движением «разбойников», как это часто рисуется в самих источниках и как это подчёркивается в буржуазной историографии. Движение багаудов — существенная часть последнего победоносного этапа революции рабов.

Но у этого антирабовладельческого блока был ещё один союзник — варвары. Варваров нельзя рассматривать как силу исключительно внешнюю. Общеизвестно, что значительная часть их издавна находилась внутри самой империи в качестве рабов и коленов, наёмных войск, федератов и т. д. Внешнее происхождение этих элементов вовсе не делает их чем-то посторонним для римского общества и государства. Римская империя как «мировая» держава всегда была смещением всех тогдашних народов; варвары, жившие в империи, являлись составной частью римского социально-политического организма, но, как показала история, они явились разрушительной силой, действовавшей против рабовладельческой власти изнутри. Большая же часть варваров пришла в империю в качестве завоевателей.

И. В. Сталин указывает на варварское завоевание как на вторую сторону процесса перехода от рабовладельческой формации к феодальной. При этом не подлежит сомнению, что самое это завоевание стало возможным лишь в сочетании с революцией рабов. Это вытекает из хода самых событий. Известно, что варвары вели войну с Римом в течение пяти веков, но эта война была безуспешной, пока у Римского государства было достаточно внутренних сил, чтобы сдерживать внешний натиск. И только благодаря тому, что эти внутренние силы рабовладельческой империи, её сопротивляемость натиску варваров в самой своей основе были подорваны революцией рабов, нашествие варваров, возобновившееся в III веке, привело их к победе над Римом: они вторглись на римскую территорию и, слив свои удары с ударами революции рабов, смогли наконец опрокинуть Рим. Варварское завоевание явилось по своему существу не чем иным, как второй стороной революции рабов, её спутником.

Обращает на себя внимание совпадение во времени начала последней и решающей волны революции рабов и начала последнего натиска варваров на империю. Ф. Энгельс особенно обратил внимание на одну сторону этого процесса; рассматривая вопрос, почему именно III век явился началом общего наступления варваров на границы Рима, Ф. Энгельс писал: «В условиях внутренней римской жизни такого объяснения найти нельзя; напротив, империя ещё повсюду оказывает успешное сопротивление и в промежутки между отдельными периодами крайней анархии всё ещё выдвигает — и как раз в это время — могущественных

императоров. Следовательно, нападения германцев были вызваны переменами, происшедшими у них самих»¹⁵. И главной из этих перемен, позволивших варварам перейти в общее и решающее наступление на римские границы, Ф. Энгельс считает подъём материальной культуры варварских племён.

Здесь необходимо прежде всего отметить, что Ф. Энгельсу мы обязаны первой действительно научной разработкой вопроса о подъёме производительных сил у варваров III века, что и послужило серьёзной причиной их перехода в наступление на империю. Однако, с точки зрения современной марксистской науки, это было только одной стороной дела. Руководствуясь указаниями И. В. Сталина, наша советская наука должна развить тезис Ф. Энгельса о причинах варварского наступления на Римскую империю и дополнить его указанием на то, что второй, и притом главной, причиной перехода варваров в наступление было начало заключительного и решающего тура революции рабов в самой империи. III век характеризуется началом общего политического кризиса рабовладельческого способа производства, началом той «крайней анархии», о которой говорит Ф. Энгельс. Основным выражением этого политического кризиса была начавшаяся в III веке революция рабов, в частности, усиление движения багаудов. Именно с этих пор периоды политической стабилизации империй, когда она оказывалась в состоянии отражать нашествия варваров, становятся всё более кратковременными. Рим под ударами революции рабов шёл к своей гибели, и на этом общем фоне упадка успехи отдельных удачливых императоров существенно не могли уже ничего изменить. Не случайно поэтому, что начало нового тура революции рабов явилось в то же время началом нового варварского наступления на империю.

Эти слившиеся внутренние и внешние удары по рабовладельческой империи по своему социально-политическому содержанию были не чем иным, как революцией рабов, ибо основная задача революции состояла в разрушении рабовладельческой системы, в ликвидации рабовладельцев и их власти. Борьба рабов как класса, до конца заинтересованного в разгроме рабовладельческой империи, составляла основное звено в этой общей борьбе. Союзники рабов, колоны, в своей значительной части были не кем-нибудь, как вчерашними рабами; кроме того их борьба против гнета землевладельцев упиралась в отмену рабства, в свержение рабовладельческого государства как оплота рабства. Те же грозные завоеватели, варвары, в условиях рабовладельческого строя были прежде всего потенциальными, завтрашними рабами; с этой точки зрения, борьба варваров за разрушение империи была борьбой за ликвидацию непосредственной угрозы превращения их в рабов, в эксплуатируемых и бесправных подданных римского государства; не следует, наконец, забывать, что как рабы, так и колоны в своей значительной части состояли из тех же варваров. Именно то обстоятельство, что рабы в своей борьбе с рабовладельческим государством теперь выступали не одни, что с их ударами слились удары колонов и варваров, и придавало борьбе рабов ту сокрушительную силу, которой не обладало ни одно восстание рабов во всей предшествующей истории. На этот раз революция рабов в сочетании с восстаниями колонов и войной варваров оказалась в состоянии свалить римское рабовладельческое государство, ликвидировать рабовладельцев и положить конец рабовладельческой эксплуатации.

Следовательно, на вопрос о том, способен ли класс рабов ликвидировать рабовладельческую формацию, И. В. Сталин даёт положительный ответ, указывая, что в конкретных исторических условиях падения Римской империи победа революции рабов стала фактом. В этом состоит то новое, что внесли указания И. В. Сталина в постановку этого вопроса К. Марксом и Ф. Энгельсом.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, Ч. 1-я, стр. 371—372.

Что же касается второго вопроса — о том, способен ли класс рабов вместо старой формации создать новую, более прогрессивную формацию и стать господствующим классом, то на него И. В. Сталин даёт отрицательный ответ. Развивая тезис Маркса—Энгельса—Ленина, И. В. Сталин подчёркивает, что вместо свергнутых рабовладельцев и рабовладельческой эксплуатации революция рабов «поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами».

Дело в том, что рабы, как и крестьянство, играя роль главного тарана в разрушении старых формаций, в то же время, как показала история, не могут выступать гегемоном в тех революциях, которые они производят, оказываются не в состоянии овладеть властью и воспользоваться главными результатами этих революций. Они лишь прокладывают путь к власти для новых эксплуататоров. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно указывали на неспособность рабов освободить себя путём захвата власти. В частности, в работе «Бруно Бауэр и раннее христианство» Ф. Энгельс указывает, что угнетённым классом римского общества были рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака»¹⁶. Вся история древности, начиная от образования первых рабовладельческих государств в долинах Нила, Тигра и Евфрата и кончая последними веками Римской империи, представляет собою историю стихийной и безуспешной борьбы рабов. На этой почве сознанием рабов, как указывает Ф. Энгельс, овладевало убеждение в безысходности их борьбы, что в конечном счёте явилось почвой для возникновения христианства.

На стихийность восстаний рабов указывал и В. И. Ленин в своей лекции «О государстве»: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»¹⁷.

Из этого же положения исходит И. В. Сталин, оценивая итоги революций рабов. Опыт истории показал, что в результате революции рабов, как и революции крепостных, власть переходила в руки новых эксплуататоров, которые, пользуясь тем, что угнетённые массы решительно расправлялись со старым строем, овладевали властью и использовали её как против свергнутого порядка, так и против народа. В буржуазных революциях на Западе, как известно, буржуазия завоёвывала себе власть руками народных масс. К. Маркс по этому поводу писал: «Буржуазия — по меньшей мере класс, лишённый героизма. Даже свои наиболее блестящие достижения, в Англии XVII века и во Франции XVIII века, не она сама завоевала для себя, а их для неё завоевали плебейские народные массы, рабочие и крестьяне»¹⁸. При этом ход революции был таков, что массы в своей борьбе всегда шли дальше, чем того хотела буржуазия, которая, захватив власть, приступала к разгрому той революции, которая привела её к власти, и тех народных масс, усилиями которых она эту власть получила.

Революция рабов, разрушавшая один эксплуататорский строй и служившая переходом к другому, новому эксплуататорскому строю, могла привести только к установлению власти новой формировавшейся знати, которая была представителем нарождавшейся феодальной эксплуатации. Класс этот мог рекрутироваться из самых разнообразных слоёв имущих классов, по тем или иным причинам заинтересованных в свержении рабовладельческой системы, но почти все исторические свидетельства, со-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 607.

¹⁷ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 375.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 83.

хранившиеся от современников революции и со времени первых столетий средневековья, указывают прежде всего на тот факт, что общественной силой, которая овладела властью римских императоров, была варварская знать.

Непрерывная гражданская война в последний период существования Римской империи сопровождалась, как известно, борьбой различных групп знати за власть. В этой борьбе варварская знать занимала особое положение. Другие враждующие группы представляли собой различные фракции рабовладельцев. История империи знает не одну смену рабовладельческих фракций у власти, что выражалось в частой смене императоров, но эта борьба всегда была борьбой внутри класса рабовладельцев; выросшая же из общинно-родовых отношений, варварская знать была носителем новой, нарождавшейся феодальной эксплуатации, всё более развивавшейся в условиях разложения рабовладельческих порядков. Поэтому её победа, по своим объективным результатам, не могла не отличаться коренным образом от победы любой иной, претендовавшей на власть общественной группы.

Вместе с тем этот новый класс имел для захвата власти наибольшие преимущества: он состоял прежде всего из военной знати, стоявшей во главе войск варваров-завоевателей. Её военные силы дважды брали Рим (нашествие Алариха в 410 г. и вандалов — в 455 г.), впоследствии знать этих подвижных варварских племён овладела римскими провинциями (Галлия, Испания, Северная Африка). Другая часть варварской знати была близка к центральной власти. В течение последних веков существования империи среди имущих классов было много знати варварского происхождения; она проникла в государственный аппарат и составляла значительную часть офицерского корпуса римской армии, в её руках были варварские войска, находившиеся на римской службе. Последние римские императоры в обстановке постоянных военных мятежей, не рассчитывая на верность легионов, окружали себя наёмными варварскими отрядами, в распоряжении которых фактически находилась столица. Это создавало для варварских военачальников наиболее благоприятную возможность организовать государственный переворот и в самом Риме. Именно поэтому такой переворот совершил не кто иной, как военачальник варварских дружин, охранявших столицу и особу последнего римского императора, Одоакр (476 г.).

Каковы были результаты падения империи? Несомненно, что рабы и колонны добились значительных социальных результатов. Ф. Энгельс указывал, что с падением Римской империи «исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»¹⁹. Это указание Ф. Энгельса нашло своё развитие в классической формуле И. В. Сталина: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся». Но политическими, а также главными социально-экономическими результатами этой революции воспользовались не рабы и колонны и не их союзники — варварские массы. Как указывал Энгельс, «раб может освободить себя, отменив из всех институтов частной собственности одно только рабство»²⁰. Основными результатами революции воспользовались новые эксплуататоры, превратившиеся в новый господствующий класс и организовавшие на руинах рабовладельческой империи свои государства.

Известно, что единственно прогрессивной формой, установление которой было возможно после гибели рабовладельческой формации, являлся феодализм. Известно также, что феодализм в Западной Европе

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, Ч. 1-я, стр. 131.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 468.

сформировался как исторический синтез двух источников: с одной стороны, это были феодальные элементы, созревшие в недрах самой рабовладельческой формации, с другой стороны, это были феодальные элементы, выраставшие в результате разложения общинно-родового строя варваров. При этом следует признать, что определяющей силой в этом процессе формирования нового способа производства были прежде всего массы варваров во главе со своей феодализирующей знатью. Именно варварская знать в условиях крушения Римской империи являлась единственным классом, который был способен взять власть и, присоединив к себе обломки старой римской знати, организовать своё господство. Ф. Энгельс указывает, что «...надо было поставить вместо Римского государства какую-то новую власть, и такой властью могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в государственные органы, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военный вождь. Защита завоёванной области внутри и во-вне требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военного вождя в королевскую власть, и это превращение совершилось»²¹.

Это уже было государство не рабовладельцев, а молодого класса будущих феодалов. Главным основанием этого нового политического строя являлась новая экономика. Для органического слияния составлявших её варварских и римских элементов требовался известный период, который по своему социально-экономическому содержанию явился своеобразным дофеодальным периодом; экономическому строю первых столетий средневековья было чуждо, «с одной стороны, хозяйство римских латифундий с рабами, с другой стороны — новейшее крупное хозяйство с барщинным трудом»²². Социальным основанием нового государства служили новые отношения эксплуатации, пришедшие на смену рабовладельческой форме эксплуатации трудящихся; в новых условиях отношения «между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, эти отношения, которые в Риме вели к безысходной гибели античного мира, становились теперь исходным моментом нового развития»²³. Так складывалась новая эксплуататорская формация — феодализм.

С этим связан ещё один существенный момент, на который указывает И. В. Сталин, подчёркивая значение революции рабов как общественного скачка, приведшего к другой формации, — это неизбежная ограниченность этой революции. Ф. Энгельс, говоря о революционном переходе от Римской империи к средневековью, видел свою задачу в том, чтобы подчеркнуть прежде всего глубину крушения старого античного общества, выделить то новое, что принесли с собой варвары по сравнению с погибнувшей римской цивилизацией. Это красной нитью проходит через его труд «Происхождение семьи, частной собственности и государства», эту же мысль мы встречаем и в «Крестьянской войне в Германии», где Ф. Энгельс пишет, что средневековые «стёрло с лица земли древнюю цивилизацию... и начало во всём с самого начала. Единственное, что средневековые взяли от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утеравших всю свою прежнюю цивилизацию городов»²⁴. Указывая, что революция рабов «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся», И. В. Сталин не оставляет в тени и другую её сторону, — что «вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплоа-

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 128—129.

²² Там же, стр. 131.

²³ Там же, стр. 131—132.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 128.

таторами». И. В. Сталин подчёркивает также ограниченность и революции крепостных. Для нас, современников Великой Октябрьской социалистической революции, размах и глубина прошлых революций являются менее значительными, чем они могли казаться раньше, и их сила не может заслонить для нас их слабости и ограниченности. Вот почему И. В. Сталин характеристике прошлых революций предпосылает следующие слова: «История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были односторонними революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуататоры и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей»²⁵. Так, на наш взгляд, должна быть поставлена проблема революции рабов и варварского завоевания в свете указаний И. В. Сталина.

Таковы те пути, в направлении которых должна идти дальнейшая разработка этой проблемы в нашей исторической науке.

²⁵ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 412.